

Глава 76. Произведение. Перелом в показаниях

На церемонии вручения литературной премии Цинцун награду «Лучший новичок» Чу Си вручал сам Фан Божэнь.

Фан Божэнь был давно и прочно зарекомендовавшим себя драматургом в этих кругах, а Чу Си, будучи новичком, неизбежно смотрела на него снизу-вверх.

Талант — эта не поддающаяся количественной оценке вещь — порой впечатляет куда сильнее, чем богатство или статус. Состояние самого богатого человека в мире можно подсчитать, и аналитические агентства выводят конкретные цифры, объявляя их на весь мир, но вот измерить, сколько таланта таится в человеке, попросту невозможно.

Чу Си считала Фан Божэня невероятно притягательным.

Разумеется, как наставника и кумира.

На церемонии они обменялись контактами.

А затем последовали частые встречи, чаепития, совместные поездки, учёба, походы на выставки.

В мире сценаристов двадцать четыре года Чу Си, безусловно, звучали как слишком юный возраст. Её внешность тоже казалась ещё по-детски наивной, излучая молодость и свежесть, но внутри она была куда взрослее, чем казалась. И она тонко уловила, что в поведении и речах этого обаятельного старшего коллеги проскальзывали едва уловимые, двусмысленные заигрывания.

Если бы она была наивной дурочкой, ничего не понимающей в жизни, то, возможно, угодила бы в эту ловушку двусмысленных отношений или, испугавшись, сбежала бы подальше от этого мужчины. Но она не была ни тем, ни другим, и её выбор лежал совершенно в иной плоскости.

Пробиться в этот круг было чертовски сложно. Награда новичку — всего лишь пропускной билет. Каждый год её получают пять человек. И где эти пятеро из прошлого года сейчас?

Если не случится ничего экстраординарного, ей предстояло ещё несколько лет вкалывать безымянной тенью под крылом маститых сценаристов, получая за сданный проект какие-то жалкие тысячи. И только если повезёт, если подвернётся случай, может быть, ей и удастся

выбиться в люди.

Но кто сказал, что Фан Божэнь не может стать таким шансом?

Тусклый свет падал сверху вниз. Чу Си подняла бокал на ножке и с улыбкой в глазах встретила нежный взгляд Фан Божэня, сидящего напротив.

Да, староват, конечно, но по крайней мере не настолько уродлив, чтобы смотреть было тошно. В конце концов, она же не по любви с ним связывается, верно?

— Я люблю мастера Фана. Я знаю, что причинила боль госпоже Шэнь, и мне очень жаль. Просто любовь порой бывает так слепа. — с надрывом, на грани слёз произнесла Чу Си.

— Простите... — прошептала она.

И непонятно было, извиняется ли она перед Шэнь Цинцюань или перед молчащим, отказывающимся говорить Фан Божэнем.

На этом допрос здесь был завершён. Ю Ю потребовал от них прекратить вопросы в одностороннем порядке и направился к люксу Е Сюаньфэна.

— Госпожа Шэнь. — позвал Ю Ю.

Женщина, сидевшая в кресле у окна, повернула голову. На её лице застыло холодное выражение, в ней было ровно столько сдержанности, сколько нужно, а в мягкости черт сквозила ледяная отстранённость. Кожа её была слегка бледна, а губы немного пересохли.

— Вы, наверное, слышали крики снаружи. — продолжил он.

Крик Чу Си был достаточно громким, чтобы долететь до сюда.

Ю Ю подошёл и остановился прямо перед Шэнь Цинцюань.

— Так что, госпожа Шэнь, вы действительно не знали или лгали?

Выражение лица Шэнь Цинцюань не изменилось ни на йоту. Спустя мгновение её губы, словно слипшиеся, слегка дрогнули:

— Не понимаю, зачем вы лезете в нашу личную жизнь. — ответила Шэнь Цинцюань.

— Госпожа Шэнь, отвечайте на вопрос. — твёрдо сказал Ю Ю, не отрывая от неё взгляда. — Я уже давал вам шанс.

Дыхание Шэнь Цинцюань стало чуть более частым.

Человек перед ней вызывал у неё дурные предчувствия. Проварившись в этом котле несколько лет, она видела всякое и умела отличать тех, кто лишь грозен на вид, а внутри трусит, от тех, кто действительно выполняет свои угрозы.

— ...Да, ранее я солгала. — призналась Шэнь Цинцюань, опустив ресницы.

— Я знала об отношениях старины Фана и Чу Си. Мужчины ведь все такие. — слабо улыбнулась она. — Чу Си молода, красива и талантлива. Не удивительно, что старина Фан запал на неё.

— Но, госпожа Шэнь, судя по всему, вы с Чу Си в очень хороших отношениях. — заметил Ю Ю.

— А как же иначе? — парировала Шэнь Цинцюань.

Шэнь Цинцюань провела рукой по животу и, подняв глаза, посмотрела на Ю Ю:

— Скандалить? Или устраивать истерики? Так можно только оттолкнуть его ещё сильнее. Он художник, ему нужна страсть. Я не из тех дур, что устраивают разборки. Чу Си не представляет для меня никакой угрозы. Для старины Фана это всего лишь способ подпитаться вдохновением. Мне не стоит особо забивать этим голову.

Ю Ю ровным тоном заметил:

— Судя по всему, госпожа Шэнь уже давно привыкла к подобному.

Шэнь Цинцюань промолчала.

— Так что насчёт У Хуая?

— Это просто чистейшая чушь. — ответила Шэнь Цинцюань. — У Хуай — друг нашей семьи. Это он снимал нашу свадебную фотосессию.

— У Хуай очень талантлив и в фотографии, и в литературе. Творчество — его хобби. После того как мы подружились, мы со стариной Фаном ввели его в этот круг, и с тех пор у нас просто отличные отношения. И больше ничего.

Ю Ю кивнул. Спустя мгновение он посмотрел ей в глаза:

— А что насчёт вас, госпожа Шэнь? Раз уж господин Фан так с вами поступает, вы не думали о мести? Или об ответном ударе?

— О мести? — переспросила Шэнь Цинцюань. Уловив смысл его слов по его бесстрастному лицу, она снова улыбнулась. — Наш союз со стариной Фаном неравноценен. И власть в нашем браке распределена неравномерно. Я хорошо знаю своё место. Есть вещи, которые можно ему, но нельзя мне. Я приложила массу усилий, чтобы добиться того, что имею сегодня. Я не настолько глупа, чтобы отказаться от всего этого и отдать какой-то другой женщине просто из желания отыграться.

Шэнь Цинцюань опустила голову и снова усмехнулась, а затем спокойно добавила:

— Да и отыгрываться мне нечем. Я не Хэдли, и своего Хэмингуэя отпускать не собираюсь*.

* историческая отсылка к первому браку Эрнеста Хэмингуэя. Хэдли Ричардсон (Hadley Richardson, 1891-1980) была первой женой писателя; их развод в 1927 году после связи Хэмингуэя с Полин Пфайффер (Pauline Pfeiffer) стал символом предательства творческого союза и пассивного принятия утраты.

Ю Ю вернулся в коридор. К нему подошёл помощник режиссёра и, как и в прошлый раз, протянул записку: Чу Си просит воды.

Ю Ю покачал головой.

После их разговора Шэнь Цинцюань не стала требовать воды или еды. Она выглядела потерянной, словно сама не осознавала, что она не настолько рациональна, тверда и безразлична, как пыталась показать.

Чу Си, выдав тайну своих запретных отношений с Фан Божэнем и так и не получив воды, была близка к полному краху.

Из четверых выживших сценаристов она была самой молодой. Как и Шэнь Цинцюань, она слишком высоко себя ценила. Или, скорее, слишком низко оценивала человеческую натуру.

— Цзян Чи, почему ты только что солгал?

— Я... — Цзян Чи замялся. На самом деле ему и отвечать не требовалось, всё было и так ясно: он боялся гнева своего босса, Фан Божэня.

Фан Божэнь же оказался самым сдержанным из всех. Замолчав, он с тех пор не проронил ни слова.

— Теперь переходим ко второму раунду вопросов. — Ю Ю не стал заставлять Цзян Чи признаваться во лжи, а просто продолжил допрос.

Услышав о втором раунде, Чу Си снова завелась. Ещё в первом раунде она поняла, что вопросы, скорее всего, касаются их личной жизни. Она уже выложила про свои интимные отношения с Фан Божэнем. Что ещё они хотят откопать?!

— Вы что, правда не боитесь, что когда мы сойдём на берег, мы подадим на вас в суд? — Чу Си старалась говорить, как можно спокойнее, но в её голосе сквозила ледяная ярость.

— Это директор Ван запер вас здесь. Мы всего лишь задаём вам вопросы. Разве это незаконно?

— Вы не даёте нам еды и воды, это... — Чу Си пыталась подобрать статью, чтобы обвинить их, но на ум приходило только слово «жестокое обращение». А это вообще незаконно? Она не знала. Из-за нехватки еды и воды, а также полученных ранее травм, её мышление утратило былую ясность.

— Мисс Чу. — тон допрашивающего стал мягче, а обращение — подчёркнуто уважительным. — Следующие вопросы простые и их немного. Терпеливо ответьте на них, и вы получите воду.

Чу Си молчала. То ли её психологическая защита была окончательно сломлена, то ли она решила, подобно Фан Божэню, держать оборону молчанием.

— Насколько активно вы участвовали в работе над сценарием «Произведения»?

Полминуты спустя Чу Си ответила. Это был самый спокойный её ответ за весь допрос.

— Не так уж и активно. Пару раз вычитывала черновики. К тому времени, как я присоединилась, сценарий «Произведения» был уже практически готов.

— Вам нравится сценарий «Произведения»?

— Разумеется. — голос Чу Си стал чуть тише. — Талант мастера Фана не подлежит сомнению.

— Какой эпизод в «Произведении» запомнился вам больше всего?

Чу Си горько усмехнулась:

— Если говорить о настоящем моменте, то, безусловно, сцена, где Фан Цзин убивает Ян Иньчуаня.

— Как вы думаете, почему Цзян Чи напал на вас?

Ответ снова задержался. После череды вопросов о «Произведении» Чу Си, похоже, не ожидала такого внезапного поворота. Кратко помедлив, она сказала:

— Разве вы не должны спрашивать об этом у него? Я жертва. Откуда мне знать, почему он на меня напал?

— Мисс Чу, пожалуйста, будьте так любезны, ответьте на этот вопрос.

— ...

— Я не знаю! — раздражённо бросила Чу Си. — Цзян Чи, расскажи ты, почему ты напал на меня?!

— Я... я был одержим... — заикаясь, ответил Цзян Чи.

— Он говорит, что был одержим. — холодно бросила Чу Си. — Что ж, допустим, так оно и было.

— Цзян Чи.

Вопрос плавно перетёк на другую тему, однако касался он уже не «Произведения».

— С какого момента ты узнал о непристойной связи между Чу Си и Фан Божэнем?

В комнате снова воцарилось молчание.

Казалось, эти вопросы намеренно задавались с крайне резкими скачками, словно натянутая пружина: то её слегка сжимали, то растягивали, так что допрашиваемые не могли понять, когда же тот, кто держит пружину,пустит её, чтобы она ударила их по лицу.

Цзян Чи молчал так долго, что остальные решили, будто он не станет отвечать, и перевели взгляд на Ю Ю, ожидая указаний, что делать дальше.

Ю Ю тоже молчал. Он был уверен, что Цзян Чи ответит.

И вот, когда долгое молчание наконец прервалось, Цзян Чи медленно заговорил.

— В начале мая. Я помогал господину Фану разбирать счета за прошлый месяц и обнаружил, что он заказал женское ювелирное изделие. В квитанции ювелирного магазина было указано

имя получателя — английское имя госпожи Чу. Вот тогда я и узнал.

— Что ты тогда почувствовал?

Снова последовала длинная пауза.

Ответ Цзян Чи был выверен до последнего слова.

— Мне стало жаль госпожу Шэнь.

— Ты рассказал об этом Шэнь Цинцюань?

— Нет. Я помощник господина Фана. Я обязан хранить все его личные тайны и не стану делать ничего, что пойдёт во вред его интересам. Поэтому я предпочёл держать язык за зубами и делать вид, что ничего не знаю.

— Тебе не кажется, что ты поступил подло по отношению к Шэнь Цинцюань?

— Мне, конечно, очень совестно перед госпожой Шэнь, но у меня не было другого выбора. Невозможно угодить всем сразу, я могу быть предан только одному человеку.

Пока Цзян Чи отвечал, Фан Божэнь и Чу Си дружно хранили молчание.

Вопросы для этого раунда Ю Ю быстро писал на бумаге прямо на ходу: пока Цзян Чи отвечал на предыдущий, Ю Ю слушая его уже строчил следующий.

— Какой пароль от твоего ноутбука?

— 20160314.

— Что это за дата?

— День, когда я пришёл в студию.

— А у тебя, Чу Си?

На этот раз молчавшая до сих пор Чу Си ответила очень быстро.

— 19990816@Monica, М с большой.

В полдень первый раунд допроса был официально завершён.

Ю Ю отказал Чу Си и Цзян Чи в воде, и оставив их, направился к главной двери пятого этажа.

Синь Синь уже ждал у входа. Услышав шаги, он тихо постучал в дверь.

— Это я.

Синь Синь с облегчением выдохнул:

— Ну как, прошло нормально?

— Вполне.

Ю Ю кратко пересказал Синь Синю сводку показаний, а затем продиктовал пароли от ноутбуков Чу Си и Цзян Чи. В свою очередь, Синь Синь сообщил Ю Ю о найденном в компьютере Шэнь Цинцюань черновике, подозрительно похожем на первую версию «Произведения», и об именах двух главных героев.

— Судя по всему, Шэнь Цинцюань и правда настоящий автор «Произведения»?

— Я не могу быть уверен. — Синь Синь нахмурился и уныло добавил, — Если это так, то, возможно, я снова ошибся с направлением рассуждений.

Они оба практически вычислили убийцу.

Но вот вопрос: каков истинный мотив убийцы? То есть, зачем «он» пытается уничтожить «Произведение»?

Убийца уже вышел на свет, но что касается их задания и раскрытия «истины», они, похоже, всё ещё топчутся за порогом. После нескольких раундов в их теориях оставалось слишком много нестыковок.

По обе стороны двери воцарилось молчание. Спустя мгновение Синь Синь встряхнулся и уже более бодрым тоном сказал:

— Брат, я возьму пароли и спущусь вниз взламывать компы и искать улики.

— Угу. В шесть вечера встречаемся здесь же.

Они уже было лаконично попрощались, как Синь Синь вдруг окликнул Ю Ю:

— Брат!

Ю Ю остановился.

— Сегодня ночью будь начеку, выжившим может грозить опасность.

— Понял.

— И ещё...

Боясь, что Ю Ю просто уйдёт, Синь Синь поспешно прижался к двери. Он заговорил быстрее, а его тон стал куда серьезнее:

— Брат, ты тоже обязательно береги себя. Завтра вечером в семь мы вместе и в целости покинем это место, хорошо?

Ю Ю не стал заставлять Синь Синя долго ждать. Он быстро и уверенно ответил:

— Мы вместе и в целости уйдём отсюда.

<http://bllate.org/book/12899/1853115>